

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

© 2005 г. С.В. Димитрова

ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СВОБОДЫ

Современное общество переживает эпоху системного кризиса, главной особенностью которого является то, что меняется сущность человека, его ценности, мировоззренческие установки, способы познания. К проблеме определения подлинности человеческого бытия мы обратимся в аспекте рассмотрения взаимодействия целерациональности и свободы. В рамках данной статьи попытаемся определить, как соотносены друг с другом возможности обретения свободы и достижения результатов, адекватных целям.

Традиционная западно-европейская культура связывала обретение свободы с развитием рационального, в особенности научного знания, используемого для преобразования мира. Становление капитализма сформировало способ мышления и жизненные ориентиры, согласно которым рационализация природы и общества рассматривается как универсальное средство для достижения прогресса, обеспечивающего гармоничное сочетание принципов соблюдения социального порядка и реализации личной свободы. Научно-технологическое развитие способствовало установлению инструментального типа рациональности и осуществлению перехода от традиционного общества к социуму, построенному на целерациональности действий, составляющих его индивидов.

М. Вебер, сделав предметом своего исследования особый тип рационализма, который был присущ западно-европейским обществам начала XX в., сконструировал «идеальный тип» целерационального действия. «Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цели, средства и побочные результаты его действий, кто рационально рассматривает отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, не аффективно (прежде всего не эмоционально) и не традиционно» [1, с. 629]. Важнейшими характеристиками данного вида мотивации социальных действий становятся: калькулируемость, плановость, расчет, словом все то, что позволит устранить из поступков людей бездумное следование стереотипам, порывам, исключить слепое исполнение индивидами обычаев и нравов. Высокий уровень внутренней осознанности действий неизменно предполагает следование принципу «ориентации на других». Этот принцип, согласно учению М. Вебера, является всеобщим отличительным признаком для всех социальных действий, он не обладает субстанциальным статусом, а проявляет себя в поступках людей. Принцип «ориентации на других», по своей сути, есть признание человеком существования всеобщего, которое необходимо индивиду для более точного планирования своих действий. Высокая степень рацио-

нальности действий связывается с возможностью осуществления строгого учета и контроля факторов, влияющих на поступки людей. «...Чем “свободнее” действующий индивид выносит решение, то есть, чем более оно зависит от его собственных соображений, не замутненных никаким “внешним” принуждением или непреодолимыми аффектами, тем более при побочных равных условиях мотивация подчиняется категориям цели и средства, тем полнее, следовательно, удастся ее рациональный анализ и при необходимости ее включения в схему рационального действия» [1].

Рациональность – это основной ресурс, позволяющий достигать адекватные целям индивидов результаты и, как следствие, увеличивать степень свободы.

Взаимная ориентированность социальных действий, их смысловая соотнесенность ведет к возникновению социальных отношений, которые могут обрести статус почитаемого порядка, поскольку воспринимаются индивидами как обязательные. Установление порядка, связанное с радикальной ориентацией на ценности и цели, способствует достижению свободы не только в рамках действий отдельных индивидов, но и целых обществ.

Основными этапами всемирно-исторического развития, по мнению Вебера, выступают общества, основанные на материальном и формальном типе рациональности. Материальная рациональность, характерная для традиционных обществ, формирует ценностно-ориентированные действия живущих в нем индивидов. При данном социальном порядке рационально организованная деятельность выступает как наиболее адекватное средство для достижения каких-либо установленных ценностей. Установление формального типа рациональности обуславливает переход от традиционных к индустриальным обществам. Движение исторического процесса в направлении формальной рациональности предполагает устранение традиционных и личностных ориентиров, качественные различия и характеристики уступают место количественным, калькулируемым отношениям. Индустриальные общества стремятся к рациональности как таковой, рассматривая ее не как средство, а как цель.

Проведенный М. Вебером последовательный анализ формирования и развития инструментального типа рациональности позволяет обратить внимание на то, что, во-первых, из системы действий элиминируется все «человеческое», поскольку нравственные, сакральные установки рассматриваются как проявление иррационального, встающего на пути успешного достижения целей. Во-вторых, человек превращается в средство для достижения рациональных целей, направленное на поддержание уже существующего порядка. В-третьих, человек, руководствующийся в своих поступках лишь рациональными правилами и расчетами, которые способствуют успешности отдельных действий, утрачивает смысловую связь с природой, другими людьми, с самим собой. Сведя множественность мира к единой закономерности, человек испытывает «усталость от мира», стремится «бежать от свободы».

Характерной особенностью целерациональности выступает то, что ее «господство» создает условия, при которых люди сталкиваются с проблемой не отсутствия средств, а напротив, используя мощные, современные орудия труда, получают результат, превосходящий по своему значению цель.

Представители различных философских школ отмечали негативный характер воздействия на человека социально-технического прогресса. Развитие техногенной цивилизации, обусловившее эмансипацию индивида от сил природы, основанное на прогрессе труда и формирующее условия для удовлетворения потребностей, порождает различные виды отчуждения. Человек становится «средним» (Хосе Ортега-и-Гассет) [2]; «одиноким и заброшенным» (Ж.П. Сартр) [3]; «бездомным» (М. Бубер) [4]. Люди, живущие в социумах, базирующихся на инструментальном типе рациональности «утрачивают способность формировать цели и стремления бежать от свободы» (Э. Фромм) [5]; расценивают любое направление свободы как фактор, ведущий к усилению неопределенности» (З. Бауман).

Поставив задачу исследовать причины возникновения искаженных форм целеполагания и целереализации, мы обратимся к работам Г. Маркузе, в которых автор изучает глубинные корни возникновения отчуждения. Г. Маркузе убежден, что целью развития индустриального общества является установление господства. При этом философ подчеркивает, что примитивные формы порабощения одних людей другими в современном социуме уступают место обезличенной, универсальной форме господства. Угнетение, существующее в развитых индустриальных цивилизациях, отличается тем, что «... оно связано не с естественной и технической незрелостью, а с позицией силы» [2, с. 256].

Формой современного порабощения людей является установление объективного закона и порядка, в рамках которых только и должна существовать свобода. Рационализация господства, разделение социального труда, деперсонализация угнетения приводит к тому, что стремление людей к освобождению расценивается как желание уничтожить государство и законы, выступающие гарантами свободы. Тотальное господство создает условия, при которых достижение любых демократических свобод становится утверждением несвободы. Строго говоря, путь к подлинной свободе становится связанным с отрицанием разумного порядка, необходимого для удовлетворения растущих потребностей людей.

«...Современное индустриальное общество достигло стадии, на которой оно уже не поддается определению в традиционных экономических, политических и интеллектуальных прав и свобод; и не потому, что они потеряли свое значение, но потому, что их значимость уже не вмещается в рамки традиционных форм. Требуются новые формы реализации, которые бы отвечали новым возможностям общества», – говорит Г. Маркузе [2, с. 267]. И эти новые способы реализации свободы можно выразить лишь через негативные термины: экономическая свобода рассматривается как свобода от экономики; политическая – от политики и так далее. В рамках данного

социума освободительные интенции человека обретают вид разрушения своей обеспеченной жизни и подрывают благополучие других людей.

Социум, стремящийся к тотальному контролю и планируемости, использует все богатство интеллектуальных и материальных ресурсов на утверждение беспрецедентной формы господства над индивидами. Противостояние, поиск исторических альтернатив должен быть основан, по мнению Маркузе, на исследовании истоков и путей становления «репрессивных цивилизаций».

Следуя логике З. Фрейда, автор произведения «Эрос и цивилизация» утверждает, что изначально культура человека возникла как инструмент подавления инстинктов. Социальный прогресс – это замена принципа удовольствия принципом реальности. Следует отметить, что З. Фрейд связывает развитие цивилизации с сублимацией либидо, считая, что основой культуры является стремление к Эросу. А вот стремление к Танатосу не может быть подавленным на глубинном уровне и поэтому представляет опасность для существования культуры цивилизации. Г. Маркузе убежден, что развитие цивилизации основано на инстинкте разрушения. Покорение природных сил, повышение производительности «представляет возможность непосредственного удовлетворения своих целей именно деструктивности, а не либидо ... и хотя именно отвлечение деструктивности от «я» на внешний мир сделало возможным рост цивилизации, обращенное во вне разрушение остается разрушением» [3, с. 80]. Покорение природы, независимость от окружающей среды оборачивается для человека подавлением своей внутренней природы, агрессией против собственного «Я».

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет вывод Г. Маркузе о том, что целью цивилизации является разрушение жизни, а «развитие и удовлетворение человеческих потребностей предстает как всего лишь побочный продукт роста господства над природой и производительности труда» [3, с. 81]. Рост производительности труда приводит к ситуациям, при которых максимально высвобождается энергия инстинктов, затрачиваемая прежде на удовлетворение потребностей. Однако репрессивная цивилизация, используя постоянное несоответствие потребления и производительности, устанавливает принцип подчинения, связанный с необходимостью увеличивать рост производительности не только для удовлетворения потребностей, но и для формирования последних. Системность действия технологического аппарата производства и распределения приводит к тому, что «...он определяет не только социально-необходимые профессии, умения и установки, но также индивидуальные потребности и устремления... Технология служит установлению новых, более действенных и более приятных форм социального контроля и социального сплавания» [2, с. 261].

Еще одной характерной особенностью репрессивных цивилизаций является то, что развитие производительности, совершенствование контроля осуществляется не для достижения каких-либо целей, а для утверждения собственного существования. Контроль ради контроля!

Вместе с тем общество как интегрированное целое содержит внутри себя множество противоречий, последние не находят практического разрешения и не подавляются мощными силами индустриальной цивилизации. Тем самым устраняются не только силы, борющиеся с системой, уничтожается сама способность к критике.

Люди, умело организованные, свободны. Человек не может выступить против того, что способствует росту уровня жизни, против того, что удовлетворяет потребности, которые детерминированы общественными силами и не контролируются самим человеком. Осознать эту «навязанность» также невозможно, ибо утрачена критическая сила разума. «Под влиянием прогресса Разум превращается в покорность фактам жизни и динамической способности производить больше и больше фактов жизни рода. Эффективность системы притупляет способность индивида распознать заряженность фактов репрессивной силой целого» [2, с. 274].

Таким образом, возникает и «одномерное пространство», в котором все цели и стремления должны отражать содержание существующего «универсума языка и действия». Человек не может выступать как субъект свободного целеполагания, ибо он также «одномерен» и его цели уже заданы существующими условиями, подчинены созданным средствам. «Одномерность» становится проявлением онтологической и моральной безосновности человека.

Возможность достижения целей как путь обретения свободы оказывается несостоятельной в силу того, что индивид утратил способность формулировать цели, и все его действия направлены на совершенствование средств. Следствием действий людей становится получение непреднамеренного, «побочного» результата. Стремление преодолеть влияние «побочного результата», связанное с рационализацией действий, привело к тому, что человек оказывается неспособным формулировать новые цели, его интенции направлены на то, что могут реализовать уже существующие средства. Побочный результат выступает как источник для развития деятельности и формулировки целей. Таким образом, человек стремится не к обретению свободы, а к приспособлению и выживанию в тех условиях, которые сам создал. Стремление предвидеть, просчитать возникновение непреднамеренного результата, абсолютизируя целерациональные действия, обернулось «одномерностью» человека.

Постмодернисты П. Бурдьё и Э. Гидденс предлагают иначе рассматривать и оценивать появление побочного результата, по-иному характеризую свободу. На действия агента, преследующего свои цели, приоритетное влияние оказывает «взаимное знание», а не мотивы, причины, интенции. Особенностью данного знания является то, что оно не доступно и не осознается агентом действия. Поэтому процессы целеполагания обретают характер «отслеживания» социального опыта, а не сознания, планирования чего-то нового. Преемственность практик, продолжение социальной жизни возможно благодаря наличию «габитуса». П. Бурдьё характеризует

«габитус» как некий активный характер, сформированный под влиянием социальных условий. Он включает в себя определенные навыки, привычки, и основывается, в большей мере, не на субъективных способностях человека, а на общественных стереотипах, существующих в воспитании, обычаях, моде. Резюмируя, можно определить «габитус» как объективную социальную структуру, служащую основой для появления действий, ориентированных на достижение определенных результатов. Поэтому все действия в пределах «габитуса» непосредственно определены и предсказуемы, они автоматичны, безличны и ведут к появлению нового, которое всегда ограничено в своем многообразии. Данная запрограммированность становится возможной благодаря отбору информации, главным критерием которой выступает стремление системы к устойчивости [4, с. 48].

Какова же роль человека, являются ли его действия, основанные на «структурных практиках», свободными? Агент «... не является автоматом, отлаженным как часы в соответствии с земными механизмами, которые ему навязывают», – пишет П. Бурдьё [5, с. 47]. Свршая действия, агент, безусловно, движим целью, но она не рассматривается как рациональная, поскольку помимо сознания агента на осуществление им практик оказывает влияние еще множество других причин. Участие агента в действии определяется не его намерениями, а способностями осуществления. На полученный результат оказывают влияние и бессознательные мотивы, и определенная социальная структура, и интенции агента. Но следует обратить внимание еще на одну важную черту целепополнения – это тот факт, что стимулами к началу действия социального индивида служат уже готовые, существующие образцы и цели. Тем самым, агенты автоматически воспринимают лишь те потребности и виды мотивации, которые формируются в процессе развития общества. Потребности и предрасположенности агента не просто совместимы с этими условиями, они заведомо приспособлены к их требованиям. Для человека желанным становится то, что неизбежно.

При таком подходе к процессам целепополнения и целереализации появление побочного результата расценивается как необходимое, как результат действия определенной структуры социальной системы. Непредвиденные последствия не должны рассматриваться как элемент деструктивности, поскольку побочные продукты действий являются условиями для создания возможностей действующему человеку. Осуществлению практик способствует преодоление антагонизма таких противоположностей, как: детерминизм и свобода; среда и изобретательность; сознательное и бессознательное; индивид и общество.

«Структура» у Гидденса, «габитус» у Бурдьё способствуют успешному осуществлению социальных действий. Успешность проявляет себя в том, что из результатов практик людей исключаются крайности, становится возможным достижение ограниченной свободы, обретение которой не приведет ни к великим открытиям, ни к трагическим ошибкам [4, с. 61].

Предложенная «схема» свободного индивида требует минимизации целей человека, сдерживая и ранжируя его стремления, осуществляется это все автоматически, без ведома субъекта. Согласно учению Э. Гидденса, история людей складывается из непосредственных результатов, поэтому не следует придавать социальному развитию заданное направление, оно все равно пойдет своим путем. И именно такой тип развития поможет достичь свободы, или, другими словами, заставит желать то, что необходимо. Проблема возможности гармоничного сочетания индивидуальной свободы и социального порядка решается посредством типичности опытов агентов. Одинаковые условия существования, система биологических предрасположенностей, порожденных этой средой, история как способ воспроизводства и «объективизированного смысла» – это факторы, обуславливающие социальную идентичность индивидов. Таким образом, активный субъект деятельности превращается в агента определенного действия; творчество сводится к процессам комбинирования, к игре «готовыми образами», стремление к равенству проявляет себя в общедоступном потреблении.

Делая выводы в проведенном исследовании, мы столкнулись с парадоксальной ситуацией, смысл которой заключается в том, что отсутствие и, в равной степени, владение мощным арсеналом средств не дают возможности достичь адекватных целям результатов. При этом можно установить некоторую закономерность, связанную с тем, что владение менее совершенными средствами не исключает уверенности людей в том, что перспективы социального развития связаны с процессами познания мира, с установлением возможности управления социально-историческими процессами. Возможно, что такая уверенность, «амбициозность» у человека существует тогда, когда его действия направлены на создание средств. В данном случае к средствам могут быть отнесены: развитие науки, техники, установление правовых, законодательных норм. А вот процессы применения современных средств, с которыми связывалось так много надежд, оборачиваются для людей непредвиденными последствиями, порождая страх и неуверенность.

Еще одна закономерность развития целереализующих процессов заключается в отношении к непреднамеренным, «побочным» результатам. Чем более рассчитано, спланировано действие, чем совершеннее применяемые средства, тем масштабнее влияние «побочного» результата на деятельность людей. Стремления к адекватному достижению целей сменяются признанием того, что получение «побочного» результата неизбежно, но его воздействие можно предвидеть. Постмодернистский подход базируется на том, что именно непреднамеренные результаты имеют конструктивный, смыслообразующий характер. Цели, основанные на дискурсивном знании, не могут определить развитие человеческих практик. Осознанное целеполагание уступает место процессу «отслеживания» социального опыта.

Исследование различных форм отчуждения и связанного с ними искажение целеполагающих процессов со всей очевидностью заставляют при-

знать нас то, что человек должен перестать растрачивать себя на искоренение пороков реальности, на ее преобразование и исправление. Хочется акцентировать внимание на том, что личность должна сосредоточить все усилия на собственном изменении. А люди, как правило, стремятся обрести свободу в борьбе за собственное освобождение, утрачивая при этом личностное начало, ибо преследование одних целей делает всех одинаковыми. Ограничив свободу содержанием цели, люди стремятся создать средства для ее реализации, попадая при этом в еще более жесткие формы зависимости. Свобода должна рассматриваться как условие, целостная основа для действий, а не как результат. Свобода проявляет себя в умении реализовывать цели и в возможности отказаться от их достижения. Она ведет к постижению абсолютности человеческого бытия, помогая тем самым индивидам не быть ввергнутыми в хаос дискретных действий.

Обретение свободы не может быть связано с развитием и изменением различных форм рациональности, поскольку это антропологически-метафизическая проблема. Новая метафизика, связанная с абсолютизацией логического начала, позволит придать смысл всем процессам, происходящим в мире. Абсолютное бытие личности – это заданность, «самость», помогающая обрести человеку свой путь в мире, где существует множество целей и вариантов выбора. Таким образом, чтобы быть свободным, необходимо обрести уникальность собственного бытия, содержащее основание для всех смыслов. А главной целью всех стремлений человека должна быть возможность реализации потенциальной полноты своих жизненных проявлений. Особая природа свободы заключается в том, что ее основанием является необходимость, а реализацией – закон. «... Я могу творить то, что не может быть иначе» [10]. Установление порядка возможно благодаря постоянным условиям человека, его возможности сохранять честь, достоинство, совесть, стремясь к истине, добру и красоте. А именно эти, бесполезные, по меркам прагматичного общества, усилия хотя бы некоторых людей способствуют установлению смысла человеческой жизни.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества // Эрос и цивилизация. Одномерный человек М., 2003. С. 251–516.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация // Эрос и цивилизация. Одномерный человек М., 2003. С. 5–250.
4. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс. Хабермас. Новосибирск, 1995.
5. Бурдье П. Социология политики. М., 1993.

Камышинский технологический институт

Волгоградского государственного технического университета

20 апреля 2005 г.